

- [Габриэль Гарсиа Маркес](#)
 -
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

[Другие книги серии «Классики XX века»](#)

Приятного чтения!

Габриэль Гарсиа Маркес

Последнее путешествие корабля-призрака

Вот теперь я им докажу, сказал он себе своим новым, низким голосом мужчины через много лет после того, как однажды ночью впервые увидел этот огромный трансокеанский лайнер, который беззвучно и с потушенными огнями прошел по бухте, похожий на громадный, покинутый людьми дворец, он был длиннее городка и намного выше, чем колокольня церкви, этот лайнер, который проследовал в темноте дальше, на другую сторону бухты, к укрывшемуся от корсаров за крепостной стеной городу колониальных времен, с кого когда-то работорговым портом и вращающимся прожектором маяка, чей скорбный свет через каждые пятнадцать секунд преображал городок в лунное селение, где дома фосфоресцируют, а улицы проходят по вулканической пустыне, и хотя он был тогда ребенком и низкого голоса мужчины у него не было, у него было зато разрешение матери оставаться на пляже допоздна и слушать, как играет ветер на своих ночных арфах, он запомнил до мельчайших подробностей, будто видел сейчас, как трансокеанский лайнер исчезает, когда свет маяка на него падает, и возникает снова, когда свет уходит, корабль как бы мерцал, то он есть, то его нет, и когда входил в бухту и потом, когда словно на ощупь, как лунатик, начал искать буи, указывающие фарватер, и вдруг, должно быть, что-то случилось со стрелками компасов, потому что корабль повернул к подводным камням, налетел на них, развалился на куски и погрузился в воду без единого звука, хотя подобное столкновение с рифами должно было бы вызвать такой грохот и скрежет металла и такой взрыв в двигателях, что оцепенели бы от ужаса даже спящие самым крепким сном драконы в доисторической сельве, начинающейся на окраине колониального города и кончающейся на другом конце света, он тогда сам подумал, что это сон, особенно на другой день, когда увидел сверкающую акваторию порта, буйные краски негритянских барачков на прибрежных холмах, шхуны гайанских контрабандистов, принимающие на борт свой груз невинных попугаев с полными алмазов зобами, я считал звезды и уснул, подумал он, и мне привиделся ясно-ясно, как наяву, этот огромный корабль, именно так все и было, он остался в этом убежден и не рассказал о сне никому, и даже не вспоминал об этом видении, но в следующий март, в то же число, когда бродил ночью по

берегу, высматривая стайки дельфинов в море, он вместо них увидел прошлогодний трансокеанский лайнер, нереальный, сумеречный, мерцающий, и опять этот корабль постигла та же странная и ужасная судьба, что и в первый раз, никакой это не сон, я видел корабль на самом деле, и он побежал рассказать обо всем матери, и потом она три недели стонала и вздыхала, горюя, ведь у тебя мозги гниют оттого, что ты живешь наоборот, днем спишь, а ночами бродишь бог знает где, как плохие люди, как раз в те дни ей обязательно нужно было побывать в городе за крепостной стеной, купить что-нибудь, на чем удобно было бы сидеть, когда думаешь о мертвом муже, потому что полозья ее качалки сломались за одиннадцать лет вдовства, и она воспользовалась случаем и попросила лодочника, который их вез, проплыть мимо рифов, чтобы сын мог увидеть то, что он и увидел на самом деле в витрине моря, увидел, как среди расцветающих по-весеннему губок любят друг друга мантаррайи, как в водоемах с самыми ласковыми водами, какие только есть под водой, плещутся розовые парго и голубые корвины¹ и даже как плавают шевелюры утопленников, погибших в каком-то кораблекрушении колониальных времен, но никакого следа потонувших трансокеанских лайнеров, ни даже мертвого ребенка, но он твердил, что корабли были, и мать пообещала, что в следующий март будет бодрствовать вместе с ним, это определенно не зная, что единственно определенным в ее будущем было теперь только кресло времен Фрэнсиса Дрейка², которое она купит в этот день на устроенном турками аукционе, она села в него отдохнуть в тот же самый вечер, вздыхая, о мой бедный Олоферн, если бы ты только видел, как хорошо вспоминается о тебе на этом бархатном сиденье, среди этой парчи словно с катафалка королевы, но чем больше думала она о покойном муже, тем сильнее бурлила и тем скорей превращалась в шоколад кровь у нее в сердце, как если бы она не видела, а бежала, в ознобе, обливаясь потом и дыша будто сквозь слой земли, и он, вернувшись на рассвете, нашел ее в кресле мертвой, еще теплой, но уже наполовину разложившейся, как бывает, когда ужалит змея, и то же случилось потом еще с четырьмя женщинами, и тогда кресло-убийцу бросили в море, далеко-далеко, где оно уже никому не причинит вреда, ведь за прошедшие столетия им столько пользовались, что свели на нет способность кресла давать отдых, и теперь пришлось свыкаться с несчастной сиротской долей, все на него показывали, вот сын вдовы, которая привезла в городок трон бед и страдания, живет не столько на общественную благотворительность, сколько ворую из лодок рыбу, а голос его между тем все больше начинал

походить на рычанье, и видения прошлых лет вспомнились ему только в мартовскую ночь, когда он случайно посмотрел на море и, мама моя, да вот же он, чудовищно огромный кит цвета асбеста, зверь рычащий, смотрите, кричал он как безумный, смотрите, и от его крика поднялся такой лай собак и так завизжали женщины, что самым старым из стариков вспомнились страхи их прадедов, и они, думая, что вернулся Уильям Дэмпир³, попрятались под кровати, но те, кто выбежал на улицу, даже не взглянули на неправдоподобное сооружение, которое в этот миг, потеряв ориентацию, снова разваливалось на части в ежегодном кораблекрушении, вместо этого они избили его до полусмерти, так что он не мог разогнуться, вот тогда-то он и сказал себе, брызжа от ярости слюной, хорошо, я им докажу, но своего решения не выдал ничем, и одна мысль целый год, хорошо, я им докажу, он ждал новой ночи привидений, чтобы сделать то, что он сделал, и вот наконец пришло это время, он сел в чью-то лодку, переплыл в ней бухту и в ожидании своего звездного часа провел конец дня на крутых и узких улочках бывшего работоргового порта, погрузился в котел, где варились люди со всего Карибского побережья, но был настолько поглощен своим замыслом, что не останавливался, как прежде, перед лавками индусов посмотреть на слоновьи бивни, украшенные резьбой в виде мандаринов, не насмеялся над говорящими по-голландски неграми в инвалидных колясках, не шарахался в ужасе, как бывало, от малайцев с кожей кобры, которых увлекла в кругосветное путешествие химерическая мечта найти тайную харчевню, где подают жареное на вертеле филе бразильянок, не замечал ничего, пока не легла на него всей тяжестью своих звезд ночь и недохнула сельва нежным ароматом гардений и разлагающихся саламандр, и вот уже он плывет, работая веслами, в чужой лодке к выходу из бухты, не зажигая, чтобы не привлечь внимания береговой охраны, фонарь, становясь через каждые пятнадцать секунд, когда его осеяло зеленое крыло света с маяка, нечеловечески прекрасным и затем обретая во мраке снова обычное человеческое обличье, и сейчас он знал, что плывет около буев, указывающих фарватер, знал не только потому, что все ярче становился их грустный свет, но и потому, что теперь печальней дышала вода, и так он греб, настолько погруженный в самого себя, что его застали врасплох, и леденящее душу акулье дыханье, которым пахнуло вдруг неизвестно откуда, и то, что мрак ночи вдруг сгустился, как если бы внезапно погасли звезды, а случилось так потому, что трансокеанский лайнер был уже здесь, совсем рядом, немислимо огромный, мама родная, крупней всего огромного, что только есть на свете, и темней всего темного, что скрыто в

земле или под водой, триста тысяч тонн акульего запаха проплыли так близко, что он увидел уходящие вверх по стальному обрыву швы, и ни искорки света в бессчетных бычьих глазах, ни вздоха в машинном чреве, ни души живой на борту, зато свой собственный ореол безмолвия, собственное беззвездное небо, собственный мертвый воздух, собственное остановившееся время, свое собственное, странствующее с ним вместе море, где плавают целый мир утонувших животных, и внезапно от удара света с маяка все это исчезло, и на несколько мгновений возникли снова прозрачное Карибское море, мартовская ночь, обычный воздух, в котором хлопают крыльями пеликаны, и теперь он был между буев один и не знал, что делать, только спрашивал себя недоуменно, не грезил ли я и вправду наяву, не только сейчас, но раньше, но едва он себя об этом спросил, как порыв неведомого ветра погасил все буи, от первого до последнего, а когда свет маяка ушел, трансокеанский лайнер возник снова, и теперь магнитные стрелки его компасов показывали путь неправильно, быть может, он даже не знал теперь, в каких широтах каких морей плывет, пытался найти на ощупь невидимый фарватер, а на самом деле шел на камни, и тут озарение, все понятно, то, что произошло с буями, последнее звено в цепи колдовства, сковавшей корабль, и он зажег на лодке фонарь, крохотный красный огонек, которого не мог бы заметить никто на минаретах береговой охраны, но который для рулевого на корабле оказался, видно, ярким, как восходящее солнце, потому что, ориентируясь на этот огонек, трансокеанский лайнер исправил курс и маневром счастливого возвращения к жизни вошел в широкие ворота фарватера, и разом зажглись все его огни, снова тяжело задышали котлы, небо над ним расцветилось звездами, и опустились на дно трупы утонувших животных, из кухонь теперь доносились звон посуды и благоуханье лаврового листа, и на залитых лунным светом палубах слышалось уханье духового оркестра и бум-бум, стучали в полутьме кают сердца любивших друг друга в открытом море, но в нем накопилось столько злобы и ярости, что изумление и восторг не смогли заглушить их, а чудо не смогло его испугать, нет, сказал он себе так решительно, как еще не говорил никогда, вот теперь я им докажу, будь они прокляты, теперь я им докажу, и он не ушел от гиганта в сторону, чтобы тот не мог его смять, а поплыл, налегая на весла, впереди, вот теперь я им докажу, и так он плыл, указывая кораблю путь своим фонарем, и наконец, убедившись, что корабль ему послушен, опять заставил его изменить направление, сойти с курса, которым тот шел к пристани, вывел за невидимые границы фарватера и повел за собой к уснувшему городку, так, как будто это ягненок, только живущий в море,

этот корабль, ныне оживший и неуязвимый более для света маяка, теперь свет не превращал корабль каждые пятнадцать секунд в невидимку, а делал алюминиевым, впереди уже все яснее вырисовывались кресты церкви, нищета жилищ, ложь, а трансокеанский лайнер по-прежнему следовал за ним вместе со всем что нес, со своим капитаном, спящим на том боку, где сердце, с тушами боевых быков в инее холодильников, с одиноким больным в корабельном госпитале, с водой в цистернах, о которой все позабыли, с не получившим отпущения грехов рулевым, который, видно, принял береговые камни за пристань, потому что вдруг раздался немыслимый вой гудка, раз, и его промочила до костей, падая сверху, струя остывающего пара, второй гудок, и чужая лодка, в которой он плыл, чуть не перевернулась, и третий, но теперь уже все, потому что вот они, совсем рядом, извивы берега, камни улицы, дома неверивших, весь городок, освещенный огнями перепуганного трансокеанского лайнера, сам он едва успел дать дорогу надвигающемуся катаклизму, крича сквозь грохот, так вот же вам, сволочи, подумайте, и в следующее мгновение стальная громада раздавила землю, и стал слышен хрустальный звон девяноста тысяч пятисот бокалов для шампанского, разбивающихся один за другим от носа до кормы, а потом стало совсем светло, и было уже не раннее утро мартовского дня, а полдень сияющей среды, и он смог насладиться зрелищем того, как неверившие смотрят разинув рот на стоящий напротив церкви самый большой в этом мире и в мире ином трансокеанский лайнер, белей всего белого, что только есть на свете, в двадцать раз выше колокольни и раз в девяносто семь длинней городка, на нем железными буквами было написано название ХАЛАЛ-ЧИЛЛАГ, и древние воды морей смерти еще стекали лениво с его бортов.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

[Другие книги серии «Классики XX века»](#)

СНОСКИ

1

Мантаррайя, парго, корвина – названия рыб Карибского моря.

Фрэнсис Дрейк (1540-1596) – английский мореплаватель, не раз нападавший на испанские владения в Вест-Индии.

Уильям Дэмфир (1652-1715) – известный английский мореплаватель; в 1673-1675 годах плавал в Вест-Индии.